

Юрий Серебрянский

Destination. Дорожная пастораль.

Небо над Лохором

Я стараюсь думать о чем-то другом. Это очень сложно. Нужно представить внутренность своей черепной коробки в виде пустой комнаты, сосредоточиться именно на ее пустоте и начать облеплять стены, пол и потолок штукатуркой. Поверх штукатурки можно еще побелить. Нужно пять минут думать о том, что комната совершенно пустая. Почувствовать запах побелки. Если сквозь стены проглядывает всякая дрянь, можно начать представлять вращающиеся посреди комнаты предметы. Любые, какие приходят на ум. Думать только о них. Буддисты называют это медитацией.

В самолете я стараюсь не думать о самолете. Когда на экране заканчивается развлекательная передача, начинают транслировать карту и телеметрию. Я вижу, что вот уже слежение за полетом передано на станцию в Пакистане. Самолет скоро пролетит над ней. Сейчас внизу — снежные вершины и где-то там К-2, самая высокая и неприступная гора. Станция слежения где-то там. Я представляю ее в виде заснеженного вагончика на ослепительном склоне. Следы вокруг засыпал ночной снегопад. Бородатые пакистанские мужики пьют горячий чай на основе топленого снега, стоя на пороге в пуховиках, вязаных горнолыжных шапках и темных очках — каплях. Глядят на проступающие кое-где скалистые жилы сверкающе белой вершины. Что-то обсуждают, показывая пальцем. Возможность и красоту схода лавины.

Один уходит за вагончик и делает желтую дымящуюся прорезь в сугробе, стоя спиной к горе. Задерживается. Одним движением застегивает комбинезон. Возвращается за своей кружкой. Шапка у него с вышитой надписью “Найс”.

Внутри вагончика на зеленом военного вида экране мигаем мы. Среди посторонних всполохов и линий масштабной сетки. Красным цветом. За закрытой дверью (чтобы не выпустить тепло) не слышно тревожного зуммера.

Только тишина, идущая от горы, и блики солнца на рифленой поверхности металлической кружки.

Перед посадкой я всегда разглядываю пассажиров своего рейса. Радуюсь, когда вижу много маленьких детей. Стараюсь разгадать логику Бога. Вроде надежно. И все равно, даже если бы самолет был заполнен одними маленькими детьми, я боялся бы.

Я пью в полете, дожидаясь, пока станут кормить, сочиняю стихи. В основном такие:

В детских руках турбулентности

Лица в бескислородных масках...

До Бангкока семь с половиной часов схождения с ума. Я молюсь. На шестом часу полета уже кажется, что, если я перестану думать о надежности узлов самолета и перестану молиться, мы упадем. Что именно мое умственное и душевное напряжение все еще удерживает нас в воздухе.

Равномерный гул.

Я еще ни разу не спал в полете, хотя летать приходится много. Небольшая турбулентность способна отрезвить меня от маленькой бутылки красного вина и бокала пива.

На восьмом часу полета я начинаю видеть в иллюминатор аккуратные квадраты рисовых полей внизу. В салоне включается свет, несмотря на то, что его и так уже достаточно попадает снаружи. Пассажиры потягиваются, скидывают пледы. Цепочкой выстраиваются в очередь к туалету. Опухшие лица. Видны изъязны кожи. У всех, кроме стюардесс.

Хочется смотреть в иллюминатор. Вот проплывает ровная магистраль Сукумвита, и я вспоминаю запахи Бангкока. Двести сорок из двухсот пятидесяти пассажиров нашего рейса будут рассказывать о нем как о промежуточном вонючем ужасе на пути в какую-нибудь Паттайю. И только десять человек поймут этот город. Влюбятся в него. Продадут бизнес, разведутся и уедут сюда. Или будут носить в себе тихое горе отсутствия.

Наш самолет вздрагивает от соприкосновения с полосой, в салоне раздаются аплодисменты. Мне кажется, что, выпави сейчас кислородные маски, окажется, что это не маски, а привязанные за ножки фужеры, по трубочкам они наполнятся шампанским и, выпив, все пассажиры нашего самолета почувствуют то же, что и я.

Облегчение спасенного.

Паром идет в Кабатач

Мы увидели растущую толпу у касс, пополняющуюся пассажирами автобуса номер шестьдесят три. Пассажиры непрерывно выходили из автобуса, создавая впечатление, что они входят в него с обратной стороны. Этот поток не давал нам пройти. Пестрые местные люди, какие-то иностранцы. Наблюдать было некогда. Мы лезли.

Станция “Эминону” — связующее звено между автобусами, паромами, трамваями и пешеходами, народу здесь всегда много. И он здесь всегда в движении. Турки вообще нация в движении. Спокойно сидящих мало. Если сидят смирно, то хотя бы говорят с соседом или зазывают прохожих зычными голосами. Из-за этого людского шума плохо слышны даже корабли и паромы. Совсем не слышно трамваев, а поток автомобилей создает звуковой фон второго плана, на который уже никак не реагируешь. Неподвижной в этом водовороте кажется только серая сказочная мечеть, многоглазо наблюдающая происходящее с высоты положения. Тут же порт, с красивыми слоеными лайнерами у причалов. Залив Золотого рога с окаменевшими берегами.

Никакого гула моря или криков чаек. Паромы и те тыкаются в пристани почти беззвучно, мягко пружиня автомобильными шинами-отбойниками.

Когда ожидаешь посадки, с берега видно, как пассажиры парома выстраиваются вдоль борта нижней палубы, готовясь к выходу. Их поведение ничем не отличается от поведения людей в метро в час пик. Безразличие к водной стихии. Я не думаю, что, если бы в проеме (том самом mind the gap) между вагоном метро и асфальтовым краем станции плескалась вода, кто-то это заметил. Никто бы не заметил. Но однажды я видел, как не выдержавший равнодушия водный мир быканул, обдав маслянистой водой семью турок. Толстую жену, невзрачную низкорослую дочь и мальчика. Отец семейства не пострадал. Когда на паром перебросили мостки и пассажиры рванули как спортсмены-спринтеры, эта семья осталась. Оскорбленный отец начал напоказ выяснять отношения с администрацией парома в лице бармена. Он требовал капитана, это было ясно без перевода. Но, высказавшись бармену и видя, что женщины его успокоились, отец остыл и сам. Наконец-то можно было начинать посадку.

В этот раз мы еще даже не купили билеты. Прорвавшись сквозь нескончаемый поток пассажиров автобуса номер 63 к кассе, я попытался купить билет на паром до Кабатача. Я сунул в окошко сумму, соответствовавшую указанной в таблице. До Кабатача.

Кассир давно не поднимал головы от своих стопочек мелочи, но тут поднял.

— Вам надо в другую кассу, идите туда, — во всяком случае, я понял его именно так.

Кассовых будок, вернее, даже паромных станций на Эминону несколько. Кассир указал нам идти вправо и был прав. Я не понял только, почему же Кабатач фигурировал в его таблице. Загадка турецкая.

Мы купили себе билеты. Контролер запустил нас в накопитель, крытое помещение, с одной стороны ограниченное турникетами, с другой — причалом. Людей было много. Я взял со стойки рекламную брошюру паромных линий Стамбула и стал ждать прибытия парома.

За полчаса до этого мы сидели под мостом и ели рыбу. Огромный старый мост соединяет два берега бухты Золотого рога. На том берегу — Кабатач. Только идти далеко. По поверхности моста ходит трамвай. Ездят легковые автомобили и микроавтобусы. У перил все места заняты рыбаками. Это из-за них сидящим в кафе на нижнем ярусе моста панорама залива кажется исполосованной сверху вниз. Лески. Несколько раз мы проходили по верху, разглядывая улов. Маленькие, сантиметров по десять каждая, рыбки — в пластиковых банках с мутной водой. Наживка — креветки. Тоже мелкие, но килограмм таких креветок у нас стоит несравненно дороже килограмма этой мелюзги.

Неравноценная такая рыбалка.

Рыба, которую мы ели в кафе, была гораздо больше. На это никто не обращал внимания, и настроение у сидящих было приподнятое. Свежий улов едим. Пиво “Эфес” поднимало его еще выше. В меню кафе значилось около десяти блюд, но спросом пользовалось только одно — рыба, жаренная в масле, упакованная в

половину разрезанного вдоль багета. Туда же лучок, капусту, салат. С пивом — просто замечательное блюдо.

Я огляделся. Кафе было заполнено иностранцами, но были и турки. Одиннадцать лир за все — вполне демократичная для Стамбула цена. За стеной ресторанчик подороже, столы накрыты скатертями. Официанты с надменными лицами. Но мне нравились наши ребята, протиравшие деревянные столы прямо при госте и бравшие оплату заказа вперед. Они при этом улыбались довольно искренне. Просто с них тоже всегда берут оплату вперед. Никаких церемоний. Я это люблю.

Демократичные иностранцы — американская тетушка с подростками, отдаленно похожими на нее. Видимо, с племянниками. Позволила им выпить по бокалу пива, чем заслужила явное уважение. Вот один из племянников уже делится с ней какими-то личными секретами. Другой пьет пиво, слушает и улыбается. Смакует свой первый бокал.

Двое влюбленных из Европы чокаются. У нас переняли. Раньше они ведь не чокались. Это мы, советские люди, чокнули их. Хотя, может быть, я что-то и путаю.

А вот турок с женой и ребенком. Турок в возрасте около сорока, мужественный. Турецкие мужчины все красавцы. В молодости тонкие, гибкие, с горящими глазами и по-своему наверняка сладкоречивые. К сорока становятся крупными, но не толстеют. Лицо солидное, все морщины аккуратно подчеркивают достоинства твердых скул, носа, глубоких глазниц. Седеющие виски.

Однажды на взлете из аэропорта Стамбула со мной произошла неприятная история. Самолет замер на краю полосы, готовый взлететь в следующее мгновение. Двигатели набрали оборотов, и тут загорелись те самые красные огоньки вдоль проходов, о которых каждый раз рассказывают стюардессы и о которых не хочется думать. Оказалось, двигатель загорелся.

Нас отбуксировали обратно, к рукаву. Выпустили. Покормили. Все вежливо предусмотрели. Только наш самолет все время стоял там, за стеклянной стеной, и на момент приглашения к посадке он остался там же. Бригада механиков два часа ползала по крылу, и один специалист даже забрался в сам двигатель. Но что это меняло для нас?

Оказалось, турки предусмотрели эту ситуацию. Первым на борт поднялся летчик, лет пятидесяти, в униформе и фуражке. С седоватыми висками. Следом потянулись и мы, пассажиры. Летчик, “капитан”, мне все время думалось о нем так: устроился в пассажирском кресле экономического салона и развернул газету.

Лететь с таким человеком на борту казалось совершенно безопасным. Такой из любой ситуации выйдет героем.

Словом, турки — мужчины — “интересные” в любом возрасте. Это мое эстетическое мнение. Турчанки проще. Те, которые носят хиджаб, никак не могут быть мной оценены. Красота их не для меня. Остальные турчанки

одеваются обыкновенно. Не вызывающе обыкновенно, как немки. Некоторые имеют стиль.

Главное достоинство — волосы. Непослушные, сильно вьющиеся черные волосы, придерживаемые на ветру изящной рукой в нескольких тоненьких серебряных браслетах. В Стамбуле ветер дует чаще всего в нужные моменты.

Сидят две девушки в парке, рядом с Топкапи сараем на скамейке.

Проходят мимо двое симпатичных парней и тут раз, и ветер.

Но этот турок, рядом с которым мы были в кафе, сидел не с такой женой. Девушка явно была русской. Бывшей нашей. Она переусердствовала с мусульманскими особенностями наряда, но все равно было безошибочно видно, что она не турчанка. А из не турчанок турки женятся, наверное, только на русских. На русских блондинках. Это видно во всем. В рекламных постерах одежды, например. Даже турецкие певицы по телевизору стали похожи на русских певиц. Спрос того требует, видимо. Если допустить, что первое поколение шопниц заполонило Стамбул в начале девяностых, то те симпатичные девушки, лет двадцати, так свободно здесь себя чувствующие и есть дети первых смешанных браков.

Вот так. Воевали. Мужики дрались, а победили женщины.

Но я, конечно, отдаю себе отчет, что это только Стамбул. Столица мира во всех смыслах, кроме буддийского.

Кого здесь только не встретишь. Особенно на пароме. Семью американцев, например. Колоритных. Но о них чуть позже. Тут девчонка. Русская. Ловко перемахнула на борт парома и затерялась среди желающих оказаться на верхней палубе.

Я их понимаю. Ничего романтического в путешествии на пароме нет. На нижней палубе воняет почти как в вагонах московского метро.

То, что она русская, я понял не по каким-то там своим тонким эстетическим критериям. Просто она говорила по мобильному в тот момент, когда шла мимо меня. Пишу “мобильному”, ведь если вы не наш, не из Казахстана, слова “сотка” вы скорее всего не поймете. А мы разговариваем по “соткам”. И ничего.

Со своего места у борта я видел край ее платья. Какой-то турок в костюме клерка неловко втолкнул ее в поле моего зрения, и она легко отодвинулась, не обращая внимания на извинения. Увлеченно разговаривала по “сотке”.

Меня интересовал залив, потому что я редко вижу море. Паром, потому что паромы я вижу еще реже. Иностранцы на борту. А они все для меня в общем-то иностранцы.

Я бы не стал в такой момент разговаривать по “сотке”. Берегу мгновения.

Она явно жила здесь. Или училась.

Я бы тоже смог жить в Стамбуле. Я — восточный мужчина. Хиджабы меня не пугают.

Мой слабый казахский позволяет вызывать гостеприимную улыбку у турок на базаре и в гостиницах. Турецкий и казахский похожи.

Жаль, что я не знаю ни того, ни другого. Мне стыдно путешествовать с моим сносным английским.

Я желал бы знать французский. Чешский мне нравится. За юмор. Свой чувашский не помешал бы. А от него недалеко до казахского и турецкого.

Да, я смог бы здесь жить.

Снял бы или лучше купил квартиру в районе Фенера. Там много брошенных греками домов. Перезнакомился бы с соседями. Пил бы с ними коньячного цвета чай из рюмки.

Но беда в том, что я путешествую. Я люблю слишком много мест в мире. Есть места, в которых я не был. Таких гораздо больше, чем тех, где я побывал. Но я все равно уже люблю их. А в путешествиях теперь достаточно и английского.

На американском английском говорил отец семейства с чемоданами. Я сидел по соседству с ними. С такими большими. Казалось, что паром немного не подходит им по масштабу. Как пластиковым солдатикам один к семидесяти пяти склеивающийся вертолет один к ста. Но им с этим приходится мириться. Большой американец нахлобучил на голову бейсболку сына и торжественно огляделся, считая этот поступок очень остроумным. Никто не обратил внимания. Все смотрели на самого американца. На его жену — большую, под стать ему, и веснушчатую, как дочь и сын. Дочь, по-видимому, одна только чувствовала неловкость ситуации в силу подростковых гипервозможностей.

Жене американца было откровенно на всех наплевать в своем длинном деревенском платье. Американец выделялся разными способами. Давал понять, что он в доску мирный и свой. Даже в такой дремучей исламской стране, как Турция.

Мы ехали в Кабатач, но оказалось, что паром-то шел не туда, а в Кадикоу. В суматохе я забыл посмотреть на табло.

Жене американца пришлось тащить по мосткам два чемодана и управлять детьми. Ни она, ни американец не доверились ничьей помощи.

Когда поток пассажиров схлынул, на пустом пирсе остались только три человека. Мы и та девушка, говорившая на пароме по телефону.

Софья.

Следующая станция после станции Еккамай

У меня странная особенность просыпаться за две-три минуты до будильника. Пытаюсь развить ее дальше. Цель — научиться просыпаться перед звонком телефона.

В квартире полумрак. Это самое выгодное освещение. Скрывает бедность обстановки.

Мне некогда заниматься уютом. Я все время или работаю, или отдыхаю, поэтому обстановка унитарна. Широкая кровать с матрасом, обтянутым полиэтиленом, по которому я елжу в беспокойном сне, занимает треть всей площади зала. Голубые голые стены, кафельный пол. Грязный сероватый потолок где-то вверху. Зал — единственная комната в квартире. Здесь так принято. Я заглядывал к соседям. Кухни ни у кого в доме нет. Двери квартир приоткрыты. За ними тайцы, сидят на полу с тарелкой лапши, опершись спиной о край кровати, сосредоточившись на телевизоре. Едим мы всем домом внизу, в столовой, которую содержит предприимчивая семья. Хозяйка — улыбчивая чистоплотная старушка.

Можно поесть и в городе. Некоторые покупают еду в квартиру. Я так не делаю. Ко мне там приходят конкуренты — черные крупные муравьи.

В фойе дома есть автомат по продаже льда и воды. Похож на наш автомат с газировкой. Стиральные машины. Можно закинуть белье, опустить несколько монет — и никаких проблем. Магазинчик, с хозяином которого я раскланиваюсь, покупая пиво и креветочные чипсы. Мы почти дружим.

Отдельно от зала только туалет с коробкой нагревателя воды для душа и сетчатой дыркой в полу. Никаких занавесок, зато унитаз — нормальный, белый. Моя гордость.

Напротив кровати — шкаф, коричневый, офисный вариант. В нем когда-то хранились архивы и запах старой влажной бумаги теперь на моей одежде.

Там я еще храню сувениры и кассеты с музыкой, купленные на распродаже. Телевизора у меня нет. Я даже не знаю, где его взять и когда смотреть. Рядом с домом богатый англоязычный видеопрокат. Я его постоянный посетитель. Зайду, возьму с полки кассету со знакомым названием и, держа в руках, вспоминаю фильм от начала до конца. Занятие. Потом обязательно звонит телефон. Кому-то опять что-то нужно. Телефон запрещено отключать даже ночью. Под кроватью валяется будильник, привезенный два месяца назад из Паттайи, но будит меня всегда телефон. Но я все равно по привычке завожу будильник.

Справа на полу разложился чемодан, на откинутой крышке — подготовленная смена одежды. Она сохнет и одновременно гладится. К вечеру. Точно. Сейчас вечер. Я часто не могу определить, проснувшись, восходит ли солнце или уже садится. Работаю днем и ночью. Не без перерывов. Есть даже выходные. Но туристы прилетают к нам, в Таиланд, днем и ночью. Поэтому у меня такая работа, и я не сразу могу определить время суток.

Однажды я все-таки решил заняться обстановкой квартиры. Было двадцать четвертое ноября. Купил в супермаркете упакованный комплект, в который,

судя по рисунку, входили скатерть и шторы. Я представил скатерть, покрывающую грубый стол у окна, и окно, наряженное шторами, прикрывающими пыльные гнутые жалюзи. Да, есть еще стол и окно. И балкон. И самый главный предмет обстановки любой квартиры — старый вредный кондиционер. С ним почти невозможно уснуть новичку. Потом привыкаешь. Даже не можешь уснуть без него. Когда он самопроизвольно выключается ночью, утро встречаешь в духоте, в липком поту, проснувшись от недостатка кислорода. На столе я представил “хрипунчик”. Так мы называем дешевую радиолу, с трудом принимающую волны сквозь толстые бетонные стены.

Я распаковал набор. Две наволочки, предназначенные для длинных цилиндрических пуфиков, стянутые резинками с обеих сторон, и фартук хозяйке.

Но я не отступился.

В квартире появились скатерть странной конфигурации и стильные римские занавески. Хрипунчик прикрывал нагрудный карман фартука, повторяя дном его конфигурацию. Двадцать четвертого ноября ко мне должны были приехать друзья из Паттайи, в этот день у них заканчивалась виза и нужно было ехать за новой на Пенанг.

Утром их отправили туда самолетом.

Ненавижу эту квартиру. В ней — мое одиночество. Жизнь существует только за пределами этих стен. Веселье — в толпе на перроне станции метро, под музыку рекламных мониторов и шум приходящего поезда. Грусть — в фойе вечерних гостиниц, когда в прохладе кондиционера поет негритянским голосом стройная тайская певичка в бархатном платье, в сопровождении черного рояля. Моменты покоя — в ожидании опаздывающих рейсов из Киева, Алматы, Москвы, Екатеринбурга... Я уже перестал спрашивать: “Откуда вы?” Зачем. Два дня эти люди показывают мне, на что способны. Каковы они настоящие. Не офисные. Мне немного противно, но я понимаю.

Это — отпуск, и это — Таиланд. Рай за накопленные деньги. Я часто подыгрываю. Микрофон — у меня. Рассказываю в автобусе пошлые байки. Рекомендую бордели. Отвечаю на внезапные вопросы, вроде “почему тайские школьники (увиденные из окна автобуса серьезным с виду мужчиной) ходят в школу без учебников?” Гид не имеет права говорить “не знаю”. И я вру. Но не безбожно, как некоторые. Меня спасают подкованность в истории и опыт общения с настоящими тайцами.

Этим утром у меня была экскурсия в сафари-парк. Вольеры с крокодилами, обед, дельфинарий. Туристы всегда довольны. Беспроигрышный вариант. Это их первые крокодилы здесь. Первые впечатления. Пальмы. Огромные белые красавцы-лебеди в маленьком пруду под пальмами. Кажется, уже откликаются на кличку “предатели”. Подбирают хлеб. За прудом — площадь, аккуратно посыпанная гравием. У нее запах раскаленной пыли и затхлой воды из-под цветов. Площадь с трех сторон окружают стриженные кусты. А четвертая — высокая стена дельфинария со сценой. Три ряда пластиковых стульев. Никогда

там никого не видел. Самое пекло. Сквозь марево кажется, что стулья сейчас потекут.

На сцене — снеговики в человеческий рост и поздравительный плакат на трех языках.

Скоро новый год. Я и забыл.

Пока туристы в дельфинарии смотрят на надувную лодочку с ребенком из зрительного зала, которую толкают носом дельфины под мелодию из Титаника, гиды слушают другую музыку, укрывшись от зноя на скамейках под деревьями. Рождественские англоязычные песни. Говорят о планах на выходной. Вероятности пересечься. Я подозреваю, что все страдают от одиночества. Оно здесь особенное. Состоит из невозможности поделиться с близкими потоком впечатлений и глубоко забитой тоски по родине. По привычным вещам. Серым и не таким ярким. Звонить родным не хочется. Разговоры короткие. Жив. Здоров. Отсылаемые туда фотографии совершенно не передают атмосферы здешней жизни.

Утром, уходя, я нашел в ящике на двери квартиры какое-то послание, напечатанное на тайском. Сергей, гид конкурирующего агентства, мой хороший друг.

Он — достопримечательность среди туристов и среди тайцев. Свободно владеет языком. Надо видеть тайских официантов, впадающих в ступор от его заказов и туристов, проникающихся безграничным уважением к человеку, понимающему все эти запятые. Тайцы — лингвистические фашисты. Большинство из них не верит в возможность выучить язык иностранцу. Сам язык — красивый, напевный, есть замечательные слова, например — карапуз будет “пумпуй”. В Бангкоке уже подрастает поколение пумпуйев — иностранцев, посещающих тайские школы. Скоро некоторым придется быть осмотрительнее.

Поговорили о планах на новый год. Они у нас одинаковые. Тридцать первого числа — большой заезд. Я сунул Сергею послание. Он прочитал и присвистнул. Я выпрямился. Почувствовал, как струйка пота побежала вдоль позвоночника под ремень.

— Ты где это взял? — он передал бумагу От — тайской девчонки с традиционным бумажным зонтиком, купленным у королевского дворца за двадцать бат.

Она наш тайский гид.

От покачала головой и зонтиком. Уставилась на Сергея. Красавица и умник. Он напоминает молодого Бродского, она похожа на актрису Люси Лю в миниатюре.

— Я нашел это сегодня утром в ящике на двери квартиры.

Сергей вертел в руках лист.

— Вот и пришла твоя очередь мыть коридор во всем подъезде, старик. Эта бумага от вашего КСК.

Клянусь, если бы От не засмеялась в этот момент, я бы точно купился.

Я забрал листик.

— Отдай это Кун Вуду. Счет за электричество.

— Спасибо, — я увидел, как мои выходят из дельфинария, и поднялся навстречу.

Автобус уехал к морю. В Паттайю. Я взял такси и вернулся в Бангкок. Проехал мимо гольф-полей, над которыми взлетают по утрам авиалайнеры, а игроки не обращают внимания на длинные крылатые тени. Мимо оптовых баз, с призывно раскрытыми мешками товара у пыльных обочин. В потоке мотоциклистов, везущих по делам свои семьи. Машин. Новеньких японских. Редких европейских. Задержавшись только у будки при въезде на платную дорогу, где я отдал деньги за возможность быстрого передвижения тайцу в коричневой форме, белой маске-респираторе и белых же шелковых перчатках с оттенком гари. Темные блестящие глаза его внимательно изучали иностранца.

Каждые полкилометра мы пересекали три выпуклые черные полосы. Трррр... Трррр... Трррр... Большая скорость. Никаких мотоциклистов на платных дорогах. Только полицейские в эффектной, по фигуре, темно-коричневой форме. Высокие и подтянутые.

Наконец, дорога, плавно снизившись, влилась в пробку улиц нижнего яруса на подъезде к моему району, Пра Канонгу. Первое время я никак не мог запомнить это название. Пра означает святой. Думаю поэтому, по пути от квартиры до станции метро — два буддийских храма, а там, дальше, — еще три. Они не имеют стратегического туристического значения. Бедноватые, в форме избушки из русских сказок. Старинно выглядящие. Я уже отличаю настоящий старинный буддийский храм от недавно построенной штамповки. Патины на фресках, могилы монахов в корнях деревьев перед храмом. У деревьев толстые щупальца корней. Здания давно осели основаниями в землю. Таких много вдоль Сукумвита — душного магистрального потока, соединяющего Бангкок с Паттайей и дальше, с Районгом.

Дальше Районга никто из тех, кого я знаю, на машине не был. Там тихие рыбацкие поселки и чистое море.

Отблески солнца разлетаются в разные стороны от зеркалец, которыми аляповато облеплены фасады храмов, и демоны у входа, которым эти украшения придают вид цирковых акробатов. Почему демоны?

В этом все тайцы. Демоны — это малое зло, их ставят перед каждым храмом, чтобы, когда мимо пролетало большее зло, оно миновало это место, решив, что свои его уже заняли.

Этот заготовленный ответ — путевая развлекаловка для туристов. Надеюсь, правда.

Еще Пра Канонг — название станции монорельсового метро моего района. Она предпоследняя на зеленой ветке и следующая станция после станции Еккамай.

Банка пива. Нужно выспаться перед “вечерними узбеками”.

Рейс наверняка задержится, и они плавно станут ночными. Это означает звонки в аэропорт каждые полчаса. Душный безветренный балкон с морем движущихся и мигающих огней Бангкока.

Да. Сейчас определенно вечер.